

P2
H54

НЕРАВНОДУШНЫЕ СТРОЧКИ

ф.р. 468

ки. 954.
К ИКриМПЧитд.

Берегите книги!

Не перегибайте книгу во время чтения.

Не загибайте углов.

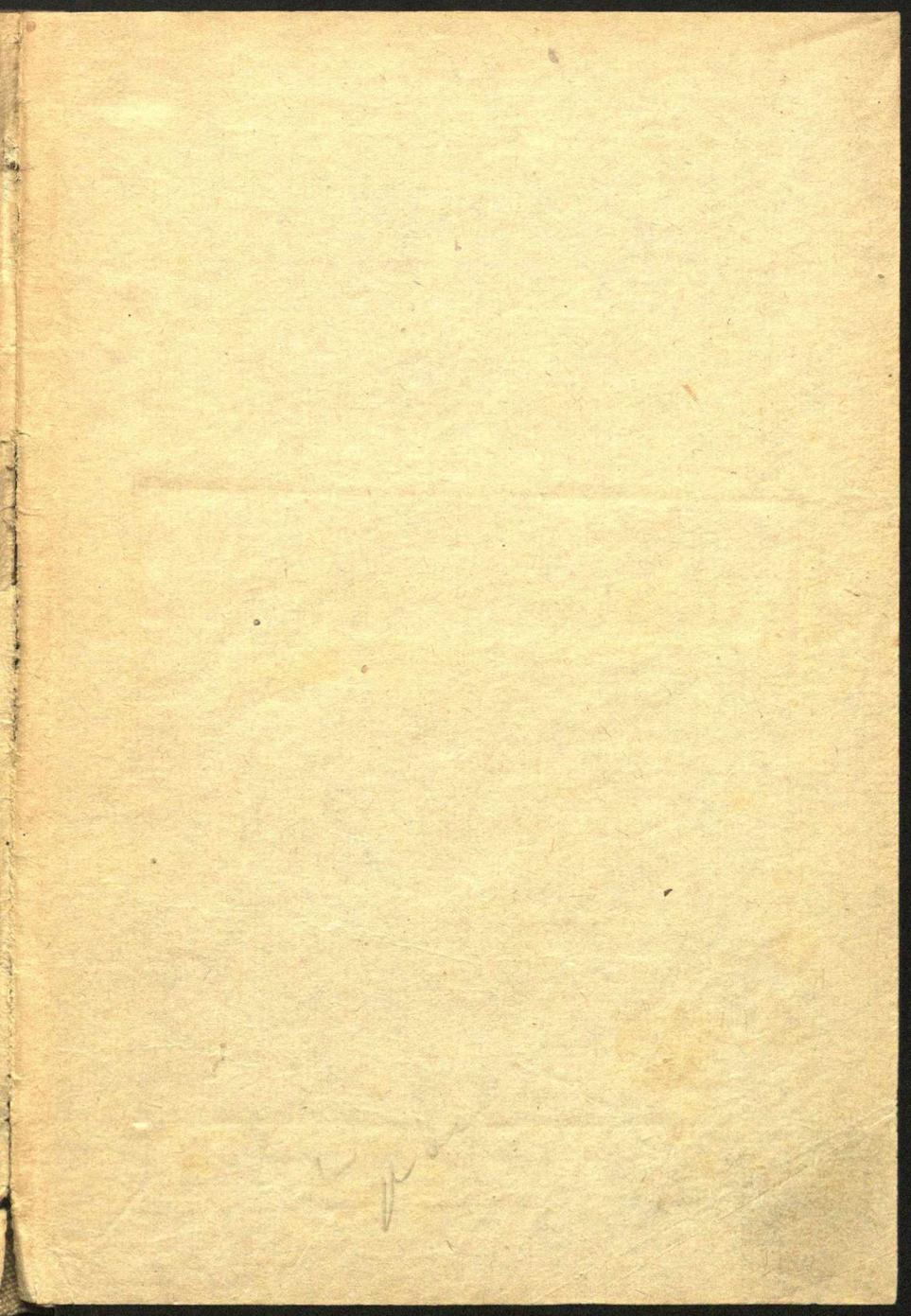
Не делайте надписей на книге.

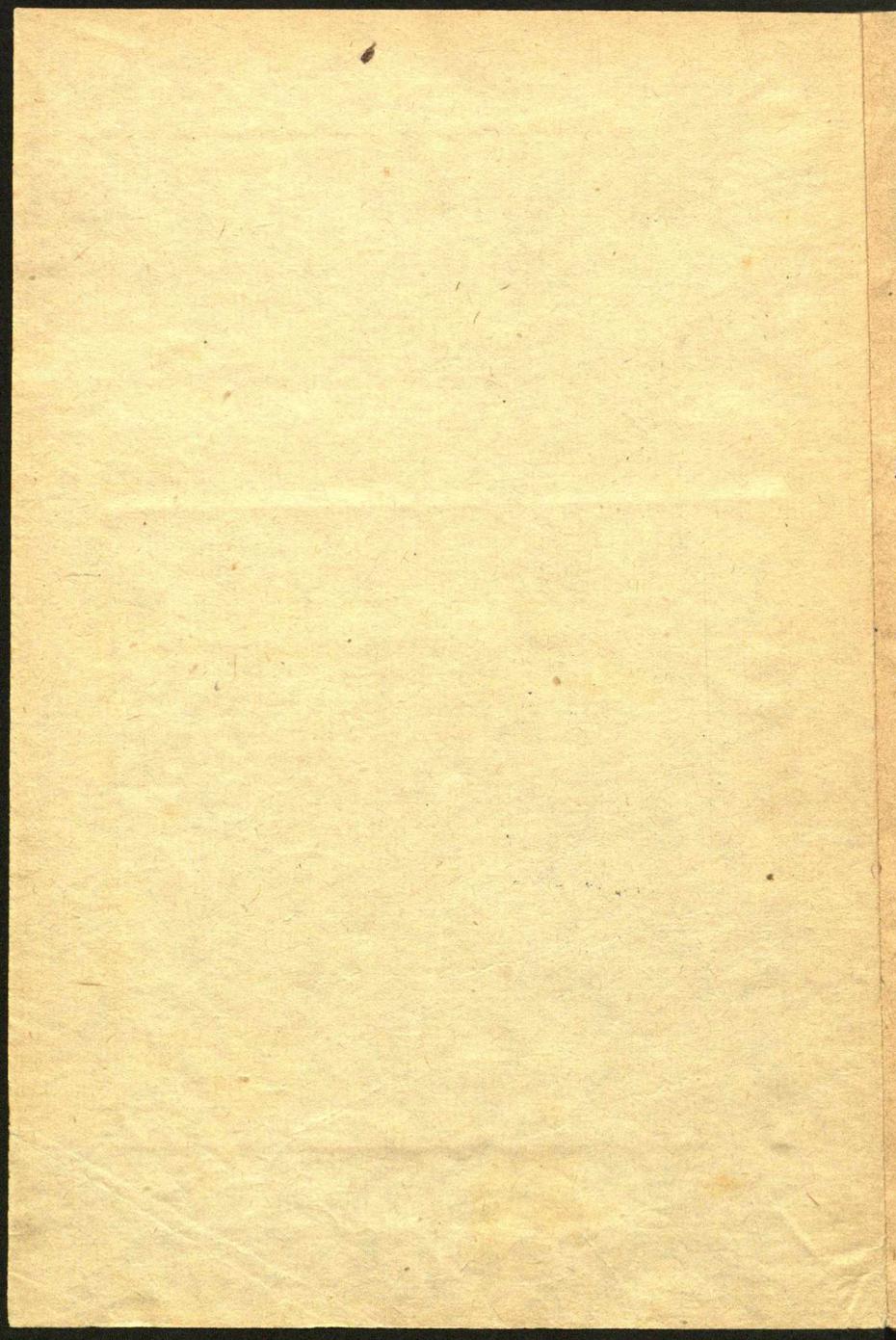
Не смачивайте пальцев слюною,
перелистывая книгу.

Завертывайте книгу в бумагу.

Г-В СФ. ТИ. ЗТ. А 679-2.

2017

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

P2
H54

514400

к.и.

НЕРАВНОДУШНЫЕ СТРОЧКИ.

В годовщину 4 5 апреля 1920 г. — дня выступления японцев в Приморье.

Сборник под редакцией Н. ЧУЖАКА, с вступительной статьей К. ХАРНСКОГО.

3663

H-54.1
H.C. 39

Крым. Гиробр. Симферополь.

1840
2012

КРЫМ. ОБЛ. БИБЛИОТЕКА
Книгохранилище
г. Симферополь

Издание Дальцентропечати.

ЧИТА.
Государственная типография.
4—5 апреля 1921 г.

30

K 922 + 9/6/22
H54 v

200

2007

ф.р. -468-

Фонд редких
книг

1998

Чувашская областная
Библиотека
им. С. Пушкина

ТЯЖЕЛАЯ ГОДОВЩИНА.

Владивосток рос, мужал, „становился“—в революции. Его—как города—не было до нее. Был отдаленный военно-административный большой поселок без прошлого, без культуры, без воспоминаний. Еще вчера в падах и по холмам владивостокским бродили тигры и выли волки и стучали топоры первых подневольных плотников, занесенных на далекие тихоокеанские берега волею воинских начальников. Впервые о Владивостоке заговорили в России под грохот маньчжурских пушек и ропот надвигавшейся Первой Революции. А годом позже—улицы его уже окрасились кровью борцов за освобождение и уже осуществилось в нем в малом масштабе нечто подобное тому, что двенадцатью годами позднее произошло в Петрограде.

А в 1907 году, когда руки успокоителей крепко сжимали горло задыхавшейся в столыпинщине России, Владивосток сделал последнюю отчаянную попытку военного восстания.

И с тех пор не было ни одного крупного революционного события в России, которое бы не отражалось тем или иным отголоском в этом неизвестном до тех пор миру, отдаленном городе Восточной Азии.

Чем далее, тем громче бывали они, эти отголоски; а позже Владивосток и сам стал одним из центров событий. История его за последние три года написана алой кровью и пулеметами.

Со времени чешского восстания, Владивосток не знал покойных дней. Были перевороты, а в промежутках между ними—ожидание назревающих кровопролитий. Люди жили точно на колеблемом подземными толчками вулкане: фантастичной казалась самая возможность какого то будущего; воображение рождало ползущих во тьме страшных безжалостных чудовищ, а в атмосфере моральной подавленности зарождалась бешеная погоня за удачей и во всю гремел „пир во время чумы“.

Были моменты и яркой, незабываемой радости, всепоглощающего восторга, когда забывались все ночные пугала. За ними следовали новые удары, новые разочарования и новые отчаяния для слабых и робких. И так протекали три бредовых года, разграниченных ропотом пулеметов, орудийными залпами, одиночными револьверными выстрелами в ночной тиши, кровавыми сенсациями и холмиками трупов на площадях и улицах.

Но и на этом фоне неизбежной драмы, дни 4-5 апреля 1920 года выделяются с особенной четкостью, осязательной для их очевидцев даже теперь, через год после того, как замолкли последние стоны жертв японского палачества и лицемерия американцев.

События, собственно, не были неожиданны. Их приближение чувствовалось. Все понимали, что японское командование рано или поздно отомстит за январские дни.—дни нашего недолгого торжества, дни позорного бегства последних колчаковцев и розановцев; те дни, когда они, эти вооруженные до зубов самураи, ходили с видом побитых собак среди безоружных ликующих людей, а их кровавая газета „Владиво-Ниппо“ злобно хрипела: „Предоставим русским пока горячиться“...

Зловещие слухи поползли по городу уже в первых числах февраля. Становилось ясно, что не только откровенное советовластие, но и бледно-розовая керенская земщина претит желтолицым Гофманам. Присутствие в городе отдохавших от таежных подвигов партизан ощущалось ими как пощечина. Только „международная ситуация“, в виде наличия доживавших во Владивостоке последние дни американцев, мешала японцам осуществить намеченные планы. Вильсоновские выученики еще не сговорились со своими „будущими противниками“; японцам нужно было соблюсти приличие: дать патентованным человеколюбцам уехать во свояси, чтобы не быть свидетелями подготавливаемой расправы.

Но вот, наболтав на прощанье кучу благонамеренных лицемерных пошлостей и оставив позади толпу разочарованных интервентских девок, американцы уплыли к своим биржам и лавкам, предоставив японцам делать свое дело без ненужных свидетелей.

Японцы начали готовиться к перевороту.

Это была демоверсия книги - Неравнодушные строчки: в годовщину 4–5 апреля 1920 – дня вступления японцев в Приморье / сборник под редакцией Н. Чужака с вступительной статьей К. Харнского.

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34